

то она была страшно разочарована, ведь я не была кетом и не могла владеть инструментом структурирования мысли в должной степени.

Сердце замечательного ученого перестало биться 15 января в 10 часов. Телеграмма пришла на следующий день. Вечерний новокузнецкий поезд, ожидание бийского поезда в Тайге, такси к главному корпусу и я едва успела к последнему пути Андрея Петровича. Прощание проходило на первом этаже в небольшой аудитории. Родные, друзья, аспиранты, преподаватели, студенты стояли молча, потрясенные смертью Андрея Петровича. Был морозный день с ветром. Большой духовой оркестр в офицерском составе прогремел траурный марш вслед улетающей душе Андрея Петровича. Над могилой звучали прощальные скорбные речи. Помню только, что Рима Бирюкович едва могла говорить, так как слезы душили ее.

После защиты я занималась вопросами семантического синтаксиса и моя концепция получила положительную оценку на кафедре немецкого языка

Таганрогского пединститута под руководством доктора филологических наук, профессора Вернера Генриха Каспаровича. Однако в силу очень сложных обстоятельств мне пришлось расстаться со всеми идеями и исследованием. И вот, хотите верьте, а хотите нет, начался процесс моей реанимации в науке уже два года. Дело в том, что я увидела вещий сон, очень ясный и четкий. Андрей Петрович навещил меня в предрассветный час дважды: первый раз Андрей Петрович говорил и объяснял что-то в читальном зале, но слов не было слышно, к большому сожалению; второй раз Андрей Петрович стоя на коленях на льду положил руку мне на плечо. Я стала подтирать подтаявший лед, пытаюсь и отскрести его. Вот такой был сон. А вот и дешифровка: Андрей Петрович как бы следит за работой своей школы. Я еще имею или буду иметь к ней отношение. Кетский глагол – это лед, льдина, айсберг. Капли оттаявшего льда имеют свойство отражения, а отражение имеет символику, а символика имеет значение.

**“ЧЕМ БЫ ОН НИ ЗАНИМАЛСЯ, КАКИЕ БЫ ЗАДАЧИ НИ СТАВИЛ ПЕРЕД СОБОЙ,
ОН ВСЕГДА ВИДЕЛ ИХ ПО-СВОЕМУ И МАСШТАБНО”**

М.И. Черемисина

д.ф.н., профессор института филологии СО РАН

50 лет назад, окончив аспирантуру, я приехала из Москвы в Сибирь, в Томск, и тут второй раз, совсем по-другому – после лекций М.Н. Петерсона в МГУ – слушала курс языкознания у Андрея Петровича. Я вела за ним семинарские занятия, и иногда мы с ним обсуждали трудные для меня вопросы. Лекции он читал непросто, и говорил тоже непросто, но за словами всегда был свой взгляд, свои мысли, которые я запоминала, старалась улавливать суть и додумывать. Училась видеть многие знакомые вещи под новыми, неожиданными углами зрения. Но гораздо позже я осознала, каким своеобразным, каким крупным ученым, – Ученым с большой буквы был Андрей Петрович. В теории он поднимался очень высоко над первичными фактами, но не боялся и самой первичной работы с сырым материалом. Поэтому и были ему узки рам-

ки какой-то одной науки. Вопреки всем трудностям и превратностям, которых в его жизни было немало, он твердо шел путем, который избрал, далеким и трудным. Этот путь он приоткрывал и многим другим, которые продолжали и продолжают начатое им дело. Круг его научных интересов был необычайно широк. До него в Сибири не было еще ученых-филологов такого масштаба. После себя он оставил не только опубликованные труды по очень разным проблемам, не только память в сердцах и душах тех, кто его знал. Он оставил созданную им, первую в Сибири, томскую научную школу исследователей коренных народов Сибири, их языков, их прошлого и настоящего, их этногенеза. Филологи Сибирского отделения Академии наук приняли от него эстафету, и по мере наших сил мы стараемся быть на уровне, достойном его памяти.